

АНГЕЛ ПРИЛЕТЕЛ

Таисия Петровна сидит одна за столом в своей хате, как привыкла она называть двухкомнатную квартиру в старом пятиэтажном доме, на первом этаже. Дом этот на краю посёлка, а почти сразу за посёлком – разделительная полоса. По ту сторону – украинские войска, по эту – донецкое ополчение.

«Господи, на старости-то лет и в сад будет по весне не сходить!» – думает она, вспоминая деревеньку, из которой переехала с мужем в этот посёлок ещё тридцать лет назад. Вспоминает, как с дочерью Ульяной и внучкой Галей ходили туда, в свой сад, собирать яблоки...

Давно уже умер её муж-шахтёр. Дочь погибла в прошлом году от шальной пули. Зять, до этого всё работавший в шахте, ушёл в ополчение. Остались они с внучкой вдвоём.

В этом году окончила Галя одиннадцатый класс (школа в соседнем посёлке). Летом вдруг сказала бабушке: «Поеду в город Вологду на кружевницу учиться». Это уж она в своём интернете насмотрела. Рукодельная-то она с детства: и шить, и вышивать, и вязать умеет. А вот кружево – нездешнее рукоделие.

Таисия Петровна, как про Вологду да кружева услышала – совсем давнее вспомнила...

Она, кроха лет трёх, на руках у мамы, тут же отец, его брат,

дедушка и ещё много людей в битком набитом «скотском» вагоне. Вот откатилась дверь, и яркое, но холодное солнце ударило в глаза, и были видны какие-то домики, пахло дымом, и снег, снег... И округлое слово «Вологда» прокатилось по вагону... Но двери закрылись, и их снова повезли, и вышли они на каком-то полустанке. Ночевали в ближнем селе, в церкви. Прямо посреди храма горел костёр, а измученные люди лежали и сидели на каменном полу, подложив свои вещи... Она всё была на руках у мамы. Всполох костра выхватывал стену, и виден был белый ангел, летевший, расправив крылья...

По утру многие не поднялись, осталась в той церкви и её бабушка.

Снова шли по зимней лесной дороге, потом женщин с детьми подсадили на сани...

Прямо в лесу и построили ссыльные раскулаченные украинцы посёлок. Занимались лесозаготовками, потом и пахать, сеять начали, скот появился. Перед войной был это уже богатый колхоз.

На фронт ссыльных сразу не брали, но к сорок второму году и до них очередь дошла. Ушли на фронт и отец Таисьи, и дядя, оба погибли.

В войну и сразу после войны часто из соседних деревень приходили крестьянки, меняли вещи на

хлеб. Бывало, и кружева приносили, но её мать их не брала: «Вдове это не трэба», – говорила.

В школу Таисья ходила в соседнее село. Однажды забежала в дом к одной из подружек, а там её старшая сестра кружево плела. Загляделась Таисья на работу кружевницы, захотелось и самой научиться. Да куда там! Столько работ да забот помимо учёбы...

В сорок седьмом стали отпущать домой украинцев. Вот и до Таисьи с матерью дошёл черёд.

Вернулись они на Украину. А родного села нет, сожгли фашисты перед отступлением. Строились люди заново, сады сажали...

Счастье это было для семнадцатилетней девушки – на родину вернуться, самой увидеть то, чего по малолетству не помнила, о чём только слышала: чёрную, жирную землю, в которую «палку весной воткни, а осенью яблоки снимай», подсолнухи, новые белые хаты, что вскоре появились на месте пожаров... Пришло время – и замуж вышла.

...И вот сидит Таисья Петровна одна в квартире и вспоминает жизнь – будто и не было! Уехала внучка-то осенью, поступила. «Это хорошо, что уехала... Чего

здесь-то, ждать, когда снаряд в окно прилетит...»

Однако же ёлочку (старую, искусственную) по привычке нарядила, стала и винегрет готовить. Есть у неё в холодильнике под окном и колбаска, и мясо, найдётся чего и выпить). Это для зятя, отца Галины. На Новый-то год, может, и отпустят до дома, не всё же воевать-то... А сама она до Рождества постится...

В дверь позвонили, и Таисья Петровна вздрогнула. Прислушалась и только на второй звонок пошла открывать.

– Бандероль вам, тётя Тая! – сообщила неунывающая почтальонка Марина. – Из Вологды! – добавила, и пошла дальше, разносить письма и бандероли по полупустым домам.

Раскрыла Таисья Петровна конверт, а там в прозрачном пакетике кружевной ангел... И письмецо: «Бабушка – это я сама сплела, моя первая работа. У меня сразу стало получаться. Бабушка, Новый год я в Вологде встречу, а на Рождество приеду к тебе и папе. Обнимаю и целую».

Таисья Петровна за ниточку повесила ангела на ёлку и стала ждать и молиться.

ДЕВОЧКА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

(рассказ старой кружевницы)

В сорок втором году, где-то уже в апреле месяце, в наше село, в детский дом, из Вологды привезли ленинградских детей...

Я там в то время воспитателем работала. Только-только школу-то закончила – тут и война. Сразу ребят и мужиков в армию призвали. А потом похоронки начали приходить.

Детский дом ещё до войны в нашем селе сделали, в бывшей церкви. Церковь закрыли – детский дом открыли, вот как...

Вот и привезли этих ребятишек – трёх девочек да трёх мальчиков лет по семь-восемь. До сих пор плачу, как их вспоминаю – скелеты живые. А ведь их уже подкормили в Вологде. Многие-то, гово-

рили, и не доехали от Ленинграда до Вологды, умерли в поезде...

Это немцы Ленинград-то окружили, блокаду сделали. Люди с голоду умирали, а город врагу не отдали. Вот детей по льду Ладожского озера оттуда и вывозили, по дороге жизни...

Ребятишки те сначала с другими детьми не играли, а как шум какой услышат – под кровати, под столы прятались. Потом мы поняли – это они боятся бомбёжки или артобстрела. И всё молчали они. Ведь у них на глазах умирали их мамы, братья, сёстры... От голода. Как тут не онемеешь.

Вот и старались мы все – воспитатели, нянечки, дети – этих воробушков отогреть: покормить повкуснее, книжку почитать, сказку рассказать...

Младшие дети у нас все вместе спали, в одной большой спальне – кровати мальчишек по одной стороне, девчонок – по другой. Вот и заметили мы, что ночью всё время кто-то из ленинградских детей плакать начинает, сам просыпается и других будит. Стали мы по ночам в спальне дежурить, чтобы сразу успокоить...

А у нас в селе, в окрестных деревнях, да по всему Кубенскому берегу, кружевниц много было, почти в каждом доме плели.

Вот и я от мамы да сестёр переменяла. Ну, днями-то некогда было плести: и за детьми глядели, и в огороде работали, и дрова заготавливали – всё сами, всё мы – воспитательницы, нянечки, старшие дети. А вот ночью-то сидишь в спальне с малышами, лампу керосиновую зажжёшь и плетёшь. Пока все не уснут. И сама-то иной раз прямо за пяльцами усыпала. Переляжешь тут же на кровать, спишь да слушаешь – не плачет ли кто?

Детишки, к кружевному плетению присматривались, конечно. Одна-то девочка особенно, из ленинградских. Я и спросила: «Хочешь научиться?» Она кивнула.

Принесла я из дома ещё одну подушку-куфтырь, пяльца, спросила разрешения у директора (строгая женщина была), стала и днём ребятишкам кружевное плетение показывать. Поначалу много их вокруг меня собиралось. Да быстро поостыли – дело непростое, усидчивости требует... Вот одна только эта девочка, Аля её звали, и сидела со мной. Молчит да плетёт. В школу ходит (школа в соседнем доме была) и опять за кружево. Хорошо у неё стало получаться...

Беда бедой, а жизнь жизнью – потихоньку стали ленинградские ребятишки отгаивать. Рассказала мне и Аля, что отец у неё ушёл на фронт в первый же день войны, и не было от него ни письма, ни похоронки. Видно, пропал без вести. А мама и старшая сестра умерли в первую блокадную зиму от голода...

Всё мне рассказала Аля. Страшно было и слушать-то. Уж и наревелись мы с ней тогда.

Но с того-то вечера стала она и разговорчивей и веселее. Плетёт кружева рядом со мной да всё мне про Ленинград рассказывает, какой это красивый город.

А уже когда блокаду с Ленинграда сняли, детей ленинградских увезли обратно. У кого родных не нашлось, там в детский дом определили.

Вдруг после Победы пришла мне открытка из Ленинграда: красивый дворец на ней, река, мост – всё, как Аля рассказывала. А с другой стороны взрослым почерком было написано, что, мол, пишет отец Али, что вернулся с

войны, забрал дочь из детдома. «Спасибо вам за дочь», – написал. И Аля сама приписала: «Спасибо за кружево».

Я ведь и в гости к ним ездила. Всё они мне показали, своими глазами и дворцы увидела, и мосты...

Я им тогда кружевную скатёрку в подарок свезла... Аля-то говорила, что будет и там кружева плести, только, мол, солому на подушку трудно найти...

Вернулась я домой, переписывались мы поначалу. А потом, как бывает – адреса поменялись, другие заботы появились... Так и потерялись мы. Уж не знаю, плела ли Аля кружева, но что помнит их и по сей день – это точно.

Я и сама-то уж давно не плету – глаза не видят, пальцы не шевелятся, ведь скоро девяносто годов будет мне, куда уж... А правнучка-то плетёт.

МУЖИЦКОЕ ДЕЛО

В деревне Матвеевской, что за Кубенским селом, жила семья: мать да трое детей. Отец их, рыбак – вот беда – попал на Кубенском озере в бурю и утонул.

Старшему мальчишке, Алёше, семь лет, а ещё двое – брат да сестрёнка – и того меньше. Вот мать их, Алевтина, и бьётся из последних сил: сама пашет, сама сеет лён и ячмень. Алёша в этом году уж боронить помогал. А ещё ведь сено надо для лошади и коровы накосить и высушить. И каждый день корову подоить, а детей накормить...

Много забот у бедной вдовы, много и горя. А радостей мало. И самая-то большая радость – детки её, мужа погибшего кровинки. Ради них и бьётся. Ради них, после всей-то работы, ночами при лучинном свете кружево плетёт.

Кружево у неё купчиха из Кубенского покупает, в Вологду продаёт. Говорят, что и самого Петербурга, самой Москвы кружево то достигает.

Цену купчиха небольшую даёт, а всё ж живые деньги...

Но вот пришла как-то Алевтина с поля, корову подоила, горшок с кашей из печи вынула, на стол поставила:

– Ешьте, ребята, а я отдохну пока. – Ушла в кут за печь, там на лавке легла.

Младшие не понимают, кашу уплетают. Алёша же сразу смекнул – заболела мама.

Пошёл к ней и спрашивает:

– Чем помочь тебе, маменька?

– Да чем же ты мне можешь?..

За младшими присмотри... Да вот что, принеси-ка мне подушку с кружевом.

Принёс Алёша подушку на пяльцах. Села Алевтина, попробовала плести. Да и сидеть не может, и пальцы еле-еле коклюшки перебирают.

– Нет, не могу. Не успеть, видно, заказ сделать, – вздохнула горестно Алевтина. А и как не вздохнуть ей, если через три дня должна приехать купчиха, отдать деньги за готовую косынку.

Легла Алевтина снова на лавку – совсем разболелась.

Алёша, видя это, матушку водой напоил, младшим наказал, чтобы не шумели, а когда мать уснула, сел за пяльцы и взял коклюшки в руки. Сколько он себя помнил, столько помнил и перестук этих коклюшек, сделанных из можжевельных веточек отцом,

отполированных руками матери. Часто заглядывал он за материное плечо, смотрел, как плетёт она нитки тонкие вокруг головок булавочных, как рождается под её руками кружевное чудо...

А теперь сам решил это чудо сотворить. Да не каждому и не сразу чудо даётся. Вроде бы просто всё – вот сколок, на нём узор иголкой наколот, только вставляй булавки да оплетай их нитками... Старается Алёша, вспоминает, как матушка это делает да медленно у него дело подаётся.

Утром Алевтине полегчало, встала она, глянула – а кружева-то прибавилось.

– Не ты ли, – спрашивает, – Алёшенька, плёл?

– Я, маменька.

– Что ж, садись тогда, учись, авось и успеем мы заказ сделать.

Сел снова Алёша за пяльцы, Алевтина, сколько могла, показывала ему, как плести, а потом снова её болезнь уложила. Стал

Алёша дальше один плести – лучше и быстрее у него получается, чем вчера...

В срок работа была готова. Поправились и матушка, сняла косынку с подушки.

Приехала купчиха из Кубенского. Работу Алевтину хвалит, деньги даёт.

– Это не я, это сын мой – Алёша, – отвечает Алевтина.

Удивилась купчиха:

– Разве ж это мальчишечье дело – кружево плести?

– Не мальчишечье, – ответил Алёша, – а мужицкое. Мне ещё отец говорил: «Самое это мужицкое дело – матери помогать да копейку в дом приносить».

Вырос Алексей, стал и рыбаком, и пахарем, и плотником. Любую мужицкую работу сделать может. А и кружево не забывает. Да и в других семьях, в других деревнях по Кубенскому берегу появились мужики, что могут и кружево сплести...

УТРО ПАСХИ

(РАССКАЗ СТАРОГО ВОЛОГЖАНИНА)

А это, братцы мои, мне ещё дед мой рассказывал...

В Первую мировую войну он сначала на фронте был. Там попал под газовую атаку немцев. Чудом выжил, с тех пор всё покашливал...

В госпитале он в Петрограде оказался. Когда поправился, его уже на фронт не отправляли, остался в столице в какой-то запасной команде.

В феврале семнадцатого началось: «Свобода! – кричат. – Революция! Вся власть Советам!»

Было дело, и дед с красным бантом на серой шинели по Невскому ходил. Рассказывал, что был среди

тех, кто Ленина на Финляндском вокзале встречал, это когда Ильич с броневика-то выступал...

И вот как-то раз пришёл в их казарму из Совета рабочих и солдатских депутатов человек, весь в чёрную кожу одетый. «Вам, – говорит, – товарищи, поручается ответственное задание – содержание под стражей граждан Романовых».

Не сразу солдаты и поняли, что это за граждане такие, потом уж сообразили, что это Царская семья. Царя-то его генералы заставили отречься от престола.

Поехали дед и его сослуживцы в Царское село. Тот, в чёрной коже,

вместе с ними. Офицер, командир отряда, у них свой был. А «чёрный» – комиссаром стал.

Под казарму отдали им флигель рядом с дворцом. Там и жили, по очереди в караулы ходили. Много раз дед видел и Царя с Царицей и их детей – четырёх Царевен и Царевича.

Когда они выходили в парк на прогулку, бывало, солдаты их и задевали словом: «Ну, что, – мол, – граждане Романовы, нацарствовались? Пора бы вас и из дворца выселять!»

«Так выселяйте, братцы, мы теперь в вашей власти», – ответил однажды сам Николай – бывший Царь.

Один случай особенно запомнился деду. На Пасху было дело. Стояли в карауле у выхода из дворца вдвоём – дед и ещё один, из тех, что любили над «бывшими» посмеяться. Смотрят, идут Царевич и сестра его, Анастасия. Алексей – мальчишка лет тринадцати, в солдатской форме, в фуражечке, сапоги у него блестят (говорили, что каждое утро вместе с отцом сапоги начищали). Идёт – улыбается, светлый весь, как лучик. Царевна – как яблочко наливное – плотная, румяная, улыбочивая...

– Христос воскрес! – Алексей им говорит.

– Воистину воскрес! – оба солдата ответили.

Но второй-то, что с дедом вместе стоял, тут спохватился, давай дразнить опять:

– Что ж, Алексей Николаевич, не пришлось тебе поцарствовать?

А Царевич серьёзно так посмотрел и говорит:

– Как же вы теперь без Царя-то будете?

Оба и обмерли. А на деда тут кашель напал, он сдержался, в кулак пару раз перхнул... А Настя, сестра-то Алексея, руками всплеснула:

– Да у вас же кровь! – платочек кружевной достала и сама кровь-то у дедовых губ вытерла... Хотя, какой он тогда дед был – двадцать с чем-то годов ему было.

– Вам, – говорит она, – надо в больницу, лечиться, а не на посту стоять.

А дед-от отвечает ей:

– Ваше Высочество, платочек-то испачкали...

– Ничего, я постираю, – она в ответ.

– Кружевной, платочек-то, такие у нас в Вологде плетут... Вот возьмите, будьте так добры, это моя матушка плела, мне дала, когда на фронт уходил, – и достал из кармана шинели платочек – материну работу.

– Какая прелесть!

Взяла Настя у солдата платочек, а ему свой отдала.

А Алексей всё это время позади стоял, разговор сестры с солдатом слушал.

– Спасибо, солдат, – сказал.

– Спасибо, передайте благодарность вашей матушке, – сказала и Анастасия.

И пошли по дорожке парка... А солнышко-то так и играет над ними – утро Пасхи...

Деда после того караула из этого отряда убрали, вернули в Петроград. А потом – Октябрьская революция, Гражданская война. Слышал он, что увезли Царскую семью куда-то на Урал... А как узнал, что убили их всех, заплакал тайком, ведь служил-то он в Красной Армии... Мне, когда уже старый-старый был, рассказывал. Может, я и напутал чего, ведь и мне-то годов немало...